

© 2014 г.

Е.В. КОРУНОВА

ШВЕДСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

С начала Первой мировой войны прошло уже 100 лет. Однако до сих пор остаются вопросы, на которые не найдены утвердительные ответы. В их числе оказался и шведский нейтралитет – удивительный исторический феномен на фоне всепоглощающей войны, вовлекшей в свою орбиту практически все страны мира. Вопрос, как Швеции удалось избежать участия в международном конфликте, до сих пор вызывает оживленные дискуссии. Задача данного исследования – выявить эти причины и определить, какую роль сыграла каждая из них в отдельности, а также насколько успех политики нейтралитета был обусловлен сочетанием целого ряда факторов и обстоятельств.

XX в. начался для шведов с трудностей и испытаний. Под угрозой оказались традиционные основы всего шведского общества. Несмотря на экономический подъем, Швеция переживала масштабную эмиграцию граждан, отправлявшихся искать лучшей жизни в Америку¹. Страна вступила в полосу внутривнутриполитических кризисов. 6 февраля 1914 г. в Стокгольме прошла одна из самых известных в шведской истории крестьянских демонстраций. Она была названа “Крестьянским походом”. На демонстрации в Стокгольме собралось около 30 тыс. человек в поддержку короля Густава V и идеи укрепления обороны страны. Смена власти в стране стала результатом крестьянской демонстрации.

После потери Финляндии в 1809 г. и распада унии с Норвегией в 1905 г. Швеция превратилась в малую страну на карте Европы – государство с великим прошлым и богатым историческим опытом, но весьма неопределенным будущим. Это, с одной стороны, объясняет, почему участие Швеции во внешнеполитических делах Европы накануне войны было довольно пассивным. Но, с другой стороны, еще больше запутывает исследователей, которые находятся в поисках ответа на вопрос о причинах невовлечения Швеции в глобальный конфликт начала XX в.

Первое, что, казалось бы, лежит на поверхности и не вызывает сомнения, – это традиция нейтралитета, которая была заложена еще в XVII в. и уходит корнями в историю ранних деклараций о нейтралитете, провозглашенных Швецией совместно с современными скандинавскими странами. Но даже если не брать в расчет данные декларации, носившие как правило сугубо прагматичный характер и не связанные между собой единой пацифистской концепцией внешнеполитической деятельности государ-

Корунова Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ См. подробнее: *Lindberg J.S.* The Background of Swedish Emigration to the United States. Minneapolis, 1930; *Janson F.E.* The Background of Swedish Immigration, 1840–1930. Philadelphia, 1931; *Ljungmark L.* Den stora utvandringen: svensk emigration till USA, 1840–1925. Stockholm, 1965; *Barton H.A.* Brev från Löftets land: svenskar berättar om Amerika, 1840–1914. Stockholm, 1979.

ства, все же следует помнить, что на момент начала Первой мировой войны шведы не принимали участия в войнах уже почти 100 лет, тем самым произвольно укрепляя основы своей политики нейтралитета, существовавшей не только за счет международно-правовых норм и договоров, но и сложившейся к этому моменту традиции.

Провозглашение нейтралитета в качестве внешнеполитического курса накануне Первой мировой войны не было спонтанно принятым решением шведских властей. Идея не участвовать в военных действиях возникла благодаря огромному дипломатическому опыту предыдущих поколений и находила поддержку в обществе. Наблюдая со стороны за ситуацией на Балканах, не занимая ничью из сторон в Боснийском конфликте и оказавшись вне сформировавшихся военно-политических блоков, шведские политики, тем не менее, пристально следили за перегруппировкой сил на политической арене и за изменениями в системе союзов конца XIX – начала XX в.

В том числе и по этой причине шведы охотно участвовали в Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг., созданных по инициативе русского царя Николая II. На них с особым вниманием шведские делегаты следили за разработкой и совершенствованием статей, касавшихся международно-правового статуса нейтральных государств, что указывало на намерение и в будущем придерживаться данной внешнеполитической линии.

Одним из прогрессивных решений Гаагских конвенций в Швеции видели деление стран в случае войны на две категории: воюющие и нейтральные, что означало признания де-юре нейтралов в качестве полноценных участников международных процессов с закрепленными за ними и по отношению к ним правами и обязанностями. С этого момента вопросы нейтралитета в войне регламентировались специальными статьями V и XIII конвенций, которые регулировали права и обязанности нейтральных государств на суше и на море². Нейтралитет более не являлся выражением исключительно желания отдельных заинтересованных государств и должен был быть принят всеми участниками международного сообщества.

Преимущества сохранения нейтралитета в таком случае были очевидны. В соответствии с международно-правовыми актами территория нейтрального государства не могла быть превращена в театр военных действий. Прибрежные воды и воздушное пространство официально признанного нейтрального государства являлись неприкосновенными для воюющих государств, и их нарушение приравнивалось к актам агрессии. В нейтральных водах участникам войны запрещалось производить осмотр и задерживать любые суда, в том числе и вражеские. А корабли нейтральных государств не могли подвергаться кем бы то ни было нападению и тем более захвату. Нейтрал сохранял за собой право на торговые отношения с воюющими странами во время войны. Исключение составляла контрабанда.

Согласно XIII конвенции о правах и обязанностях нейтральных государств в случае морской войны нейтрал мог позволить находиться в своих территориальных водах судам воюющих сторон для дозаправки, ремонта и пополнения запасов (кроме военных). При этом устанавливался срок их пребывания, а нейтрал сохранял за собой право в любой момент потребовать, чтобы корабли воюющего государства покинули его территориальные воды.

В свою очередь, нейтралу строго запрещалось оказывать какую-либо помощь воюющим государствам, особенно поставками оружия, созданием вербовочных пунктов, формированием на своей территории военных отрядов для воюющих государств, пропуском через свою территорию войск воюющего государства (кроме транспортировки больных и раненых при условии отсутствия у них оружия). В случае обнаружения на своей территории военного контингента любой из воюющих сторон нейтрал обязан был их интернировать. За своих граждан, в одиночку перешедших границу и

² V Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны и XIII Конвенция о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны. Гаага, 18 октября 1907 г.

вступивших в армии воюющих сторон, нейтрал ответственности не нес. Нейтральное государство также не должно было разрешать воюющим сторонам устанавливать или размещать на своей территории радиостанции и другие средства связи (исключение составляли только местные средства связи)³.

И наконец, международное право не требовало от нейтрала идеологического нейтралитета и соблюдения журналистского этикета. Население нейтрального государства могло публично выражать симпатии или осуждать действия одной или нескольких воюющих держав.

Разработка новых принципов нейтралитета изменила ситуацию в пользу нейтралов и послужила дополнительным стимулом укрепления складывавшейся традиции нейтралитета в Швеции. Нейтралитет обещал куда больше возможностей малому государству по сравнению с участием в войне, сулившему иллюзорные выгоды. В этом контексте факт принятия в Швеции декларации о нейтралитете⁴ заблаговременно до начала Первой мировой войны в 1912 г. после торжественных заявлений о нейтралитете в тогдашних балканских и средиземноморских военных конфликтах был принят населением с воодушевлением, а в Европе удивления не вызвал.

В декларации, что закономерно, уделялось много внимания войне на море. Скандинавы были заинтересованы в нейтрализации своего торгового флота и безопасности традиционных морских путей, поэтому свобода пребывания и передвижения воюющих сил в скандинавских территориальных водах ограничивалась статьями соглашения, хотя проливы оставались открытыми, а условия пребывания гражданских и военных судов в портах нейтральных государств специальным образом оговаривались. Кроме того, документ был дополнен новыми правилами, согласно которым, в частности, отказ от нейтралитета не мог быть произведен в одностороннем порядке без взаимной договоренности участников, чье взаимодействие в период военных действий значительно усиливалось.

Но работа в правовом поле, направленная на укрепление нейтрального статуса Швеции, на этом не завершилась. В первые месяцы войны в Швеции появился еще ряд постановлений, которые должны были укрепить основы провозглашенного нейтралитета. Так, 6 августа 1914 г. была подписана декларация, запрещавшая кораблям воюющих государств мореплавание в некоторых районах шведских территориальных вод. Спустя несколько дней последовало постановление о запрете использования радиотелеграфии в шведских территориальных водах на кораблях воюющих государств. Буквально через месяц комплект пополнился еще одной декларацией, запретившей движение воздушного транспорта над территорией Швеции, включая пассажирские перевозки (данная декларация была частично пересмотрена и смягчена только в июле 1916 г.)⁵.

Тогда же в августе 1914 г. Швеция и Норвегия заключили дополнительное соглашение, согласно которому обе страны обязались консультироваться между собой и ни при каких условиях, даже если бы одна из сторон оказалась втянутой в войну, не поднимать оружия друг против друга.

Таким образом, традиция нейтралитета в Швеции формировалась на вполне ощутимой правовой основе и не проигрывала даже постоянному нейтралитету Швейцарии, Бельгии и Люксембурга, чье положение казалось более устойчивым в сравнении с эвентуальной формой шведского нейтралитета.

Серьезное значение в Швеции придавали и популяризации идеи нейтралитета, что нашло выражение в совещании трех монархов скандинавских государств 18–19 декабря 1914 г. Встреча коронованных особ трех скандинавских государств – Густава V (Швеция), Хокона VII (Норвегия) и Кристиана X (Дания), проводившаяся в швед-

³ Международное право. М., 1998, с. 351.

⁴ Statens författningssamling 1912:346; Statens internationella överenskommelser 1912:11.

⁵ A Collection of Neutral Laws and Treaties of Various Countries, v. II. Washington, 1939, p. 974–975.

ском городе Мальмё, стала целым событием⁶. Она демонстрировала единство стран по вопросу о нейтралитете и напоминала великим державам о волеизъявлении нейтралов с надеждой на соблюдение с их стороны норм международного права вплоть до завершения войны. Встреча носила символический характер и, как говорил шведский король, ее целью было “зацементировать” существовавшие отношения, а также способствовать их плодотворному развитию даже в условиях войны в Европе⁷.

Еще одним интересным и показательным эпизодом в истории шведской политики нейтралитета периода Первой мировой войны было участие шведских пацифистов в компании американского промышленника Г. Форда, отправившегося в конце 1915 г. на борту купленного им трансатлантического лайнера “Оскар II” в Европу с целью остановить войну. На родине акция автомобильного магната не получила той поддержки, на которую он изначально рассчитывал. Заявленный в списках американский президент В. Вильсон так и не почтил своим участием экспедицию. Несмотря на отказ Вильсона, участники конференции из различных нейтральных государств отмечали, что дух его идей присутствовал, что создавало благоприятные условия для координации их деятельности. В итоге с Фордом отправились представители американской богемы, журналисты, авантюристы и просто бездельники. Но этот факт не вызвал отторжения среди европейских сторонников акции. Иллюзий, что война прекратится благодаря небольшой группе энтузиастов, как выразилась шведская журналистка и писательница Э. Вагнер, никто не испытывал: “Европа слишком консервативна, чтобы обращать на них внимание”. Тем не менее, Г. Форду первому после Гаагской конференции 1907 г. удалось собрать вместе единомышленников, ратовавших за мир⁸.

Действительно, отправляясь в Европу, Форд не имел ни четкого маршрута, предполагая заходы в гавани как воюющих, так и нейтральных государств, ни оформленной программы действий. В феврале 1916 г. в шведской столице под эгидой американского деятеля была созвана конференция нейтралов, на которой были подведены итоги компании и выработан единый программный документ⁹. В работе комитета приняли участие представители шести государств: Швеции, Дании, Норвегии, Голландии, Швейцарии и США. В программном документе организации, составленном к маю 1916 г. генеральным секретарем конференции нейтралов американским политическим деятелем и активным членом антивоенного движения Л.П. Лочнером, нашли выражение основные идеи сообщества, которые по большей части совпадали с “14 пунктами” В. Вильсона, провозглашенными американским президентом два года спустя, 8 января 1918 г.

Участники конференции ставили перед собой серьезные задачи. Они заявляли о своем нежелании заниматься выяснением, кто виноват, кто прав в уже случившейся войне, и выносить кому бы то ни было свой приговор¹⁰. Целью своей деятельности они называли поиск путей сближения воюющих стран на основе приемлемых условий, а также разработку принципов мирного сосуществования в послевоенном мире¹¹. Своей акцией Г. Форд, будучи представителем США – самого крупного государства-нейтрала, подчеркивал значение существования и деятельности подобных стран для общего дела мира. Уважение вызывало, что американцы, в отличие от европейцев не привитые к ужасам войны, могли позволить себе и дальше закрывать глаза на военные баталии в Европе, но не стали этого делать. Мэр Стокгольма К. Линдхаген, лично

⁶ См. документальную запись встречи монархов скандинавских государств: Oidentifierad dokumentärfilm Thekungamötet i Malmö 1914. – <http://www.filmarkivet.se/sv/Film/?movieid-71>

⁷ The Three Kings at Malmö. – The American-Scandinavian Review, 1915, v. 3, № 2. London, p. 72.

⁸ *Wagner E.* Fredskorståget. – Idun, 09.I.1916. См.: http://www.ub.gu.se/fasta/labban/erez/kvinnohistoriska/tidskrifter/idun/1916/pdf/1916_02.pdf

⁹ Neutrala konferensens. Stockholm, 1916, doc. 2, 3, 6–8, 10–15, 17.

¹⁰ Ibid., s. 10.

¹¹ Ibidem.

заинтересованный в пропаганде пацифистских идей, рад был приветствовать экспедицию и создал все условия для работы участников конференции.

Между тем Швеция в качестве европейского центра сообщества нейтральных государств была выбрана не случайно. Большинство шведских газет с воодушевлением восприняло инициативу Г. Форда. Здесь в отличие от большинства стран Европы практиковались свобода печати, свобода слова и принцип публичности, которые гарантировались конституционными законами. В Швеции с 1766 г. действовал Акт о свободе печати, включавший в себя лишь ряд ограничений, которые, тем не менее, играли на руку нейтралам. Нарушением закона считались подстрекательство к войне, шпионаж, некомпетентное обращение и небрежность в работе с секретными сведениями, распространение слухов, угрожающих безопасности государству, клевета и оскорбление¹². Кроме того, Швеция из всех стран-участниц была, пожалуй, единственной европейской страной, которая могла удовлетворить основные требования безопасности в разгар международного конфликта.

В проводимой Швецией официальной политике нейтралитета экспедиция Г. Форда сыграла весомую роль. С одной стороны, она подчеркивала активную позицию шведских граждан, в большинстве поддерживавших нейтралитет, что, безусловно, способствовало формированию положительного образа Швеции на международной арене. С другой стороны, указывала на стремление к консолидации вокруг себя государств с близким политическим сознанием, что послужило залогом успешной деятельности на международной арене “экс-нейтралов” в будущем¹³.

В итоге с началом Первой мировой войны и шведские партии, несмотря на сохранявшийся комплекс политических противоречий, пришли к гражданскому миру¹⁴. Сохранение нейтралитета для всех представлялось неким сложившимся пониманием желаемой позиции Швеции в мировом конфликте. Либералы в лице смещенного с поста премьер-министра в 1914 г. К. Стаафа и социал-демократы во главе с лидером партии Я. Брантингом объединились по вопросу о нейтралитете и гарантировали свою поддержку в сложившейся трудной ситуации. Шведский король Густав V, как “достаточно реалистичный” политик, пренебрег своими симпатиями к Германии и высказался в пользу нейтралитета¹⁵. Консервативное правительство Я. Хаммаршёльда благополучно провело мобилизацию и 3 августа 1914 г., невольно солидаризируясь с оппозицией, объявило о намерении строго соблюдать условия Гаагских конвенций и правила провозглашенного нейтралитета. Таким образом, нейтралитет как политический выбор уже на данном этапе шведской истории предстал скорее как причина, а не следствие солидаризации всего общества¹⁶. Нежелание принимать участия в войнах, к чему у населения Швеции за 100 лет выработалась определенная привычка, находило поддержку большинства в государстве.

Традиция мыслить неконфликтно в Швеции передавались уже от поколения к поколению. Далекое не в каждой шведской семье деды могли рассказать своим совершеннолетним внукам, как воевали за родину. В обществе сформировался негласный консенсус по вопросу об участии Швеции в “чужих” конфликтах. Более того, к началу XX в. в международно-правовой практике были достигнуты значительные результаты,

¹² Петерссон О. Шведская система правления и политика. М., 1998, с. 157.

¹³ “Экс-нейтрал” – государство, объявившее о нейтралитете накануне Первой мировой войны и изъявившее намерение следовать ему и впоследствии вне зависимости, было ли оно вовлечено в конфликт или сохранило свой статус в ходе военных действий. Приставка “экс” возникла после вступления бывших, объединившихся с целью укрепления своих позиций на международной арене, нейтралов в состав Лиги Наций, в уставе которой отсутствовало даже упоминание о нейтралитете.

¹⁴ Хадениус С. Шведская политика в XX веке. Конфликт и согласие. Треллеборг, 1999, с. 27.

¹⁵ Рупасов А.И. Германно-шведские контакты о заключении союза (1910–1915). – Первая мировая война и международные отношения. СПб., 1995, с. 34.

¹⁶ Linder J. Svår neutralitet. Sverige under två sekel. Avesta, 2003, s. 33.

аккумулировавшие в себе накопленный опыт столетий и позволившие Швеции утвердиться в намерении и в дальнейшем по мере необходимости прибегать к практике эвентуального нейтралитета.

Все это, безусловно, следует считать весомыми аргументами при анализе причин, способствовавших неучастию Швеции в Первой мировой войне. Однако отрицательный опыт других нейтралов, в частности Бельгии и Люксембурга¹⁷, указывает на недостаточность одного желания государства остаться нейтралом, даже если оно закреплено международно-правовыми нормами и гарантировано на бумаге ведущими державами мира. Важным элементом в деле сохранения нейтралитета малой страны является намерение и личная заинтересованность ведущих политических игроков мира в поддержании провозглашенного нейтралом статуса. В отношении нейтральной Швеции в годы Первой мировой войны такую роль играли главным образом Германия, Великобритания и Россия.

Изначально страны Антанты не были заинтересованы в участии Швеции в войне. Их устраивал сложившийся своеобразное статус-кво в регионе Балтийского моря, а неучастие скандинавов в войне это равновесие отчасти им обеспечивало. Сегодня можно с определенной долей уверенности сказать и об эфемерности опасности с Востока для Швеции: “русская угроза”¹⁸ оказалась искусственно раздуваемой в шведском обществе истерией, используемой прогермански настроенными шведами для сближения с Германией. В России обоюдно опасались Швеции как потенциального союзника Германии, предпочитая шведский нейтралитет.

Совершенно иным образом дело обстояло с Германией. Заблаговременно до начала Первой мировой войны, еще до провозглашения шведами декларации о нейтралитете Германия инициировала переговоры со Швецией, предметом которых стало определение роли скандинавского государства в предстоящей войне. Так, 17 ноября 1910 г. состоялась встреча двух начальников генеральных штабов – генерал-полковника Г. Мольтке-младшего и генерал-лейтенанта К. Бильдта в Берлине. В планы Мольтке входило убедить шведский генералитет в целесообразности выступления против России в случае начала войны между Германией и Россией, так как, по мнению германского военачальника, шансов у Швеции противостоять агрессии русских без помощи Германии не было, а ожидать нападения русских на шведские территории следовало. Речь шла о наступлении четырех дивизий у р. Торнео, проведении демонстраций у побережья Финляндии, продвижении шведских войск до г. Улеоборга, пока не будут выработаны дальнейшие действия¹⁹.

В итоге никакого союзного документа подписано не было, зато результатами встречи стали убежденность военного руководства обоих государств в правильности выбранной стратегии и устная договоренность, которая на том этапе удовлетворяла обе стороны. В течение последующих месяцев переговоры были приостановлены и возобновились только в разгар военных действий. Между тем первые месяцы войны оказали серьезное воздействие на шведские политические круги, ориентированные изначально на союз с Германией.

Сам король Швеции Густав V, поначалу не возражавший против вступления его государства в войну на стороне Германии, уже в первые дни войны пересмотрел свою

¹⁷ Постоянный нейтралитет Бельгии, отделившейся от Голландии, был зафиксирован договорами 26 июня и 15 ноября 1831 г. Гарантами выступили Великобритания, Австрия, Франция, Пруссия, Россия. Позже статус был подтвержден двусторонним бельгийско-голландским соглашением 19 апреля 1839 г. Постоянный нейтралитет государства Люксембург возник 11 мая 1867 г. по итогам Лондонской конференции. Гарантами выступили Великобритания, Франция, Италия, Пруссия, Россия.

¹⁸ Шведам была свойственна “русофобия” со времен Полтавской битвы 1709 г., ее подогрело отторжение от Швеции Финляндии, вошедшей в состав Российской империи в 1809 г.

¹⁹ *Рунасов А.И.* Указ. соч., с. 32.

позицию²⁰. В глазах шведов Германия “морально проиграла”, напад на “несчастную Бельгию”²¹, чей нейтралитет был признан всей Европой. Свою весомую роль сыграла и битва на Марне, когда объединенные англо-французские войска под командованием начальника Генерального штаба Франции Ж. Жоффра остановили наступление германской армии и план быстрого разгрома Франции был сорван. Война приняла затяжной характер. К концу 1914 г. в Швеции, как и в остальных странах Европы, стали понимать, что мировая война приобрела совершенно неожиданный характер. Это постепенно осознали и воинственно настроенные шведские прогерманисты, которым вдобавок пришлось объяснять общественности, почему Россия так и не напала на Швецию, как сулили немцы. Образ наследственного врага, серьезного и опасного противника начал растворяться, а вместе с тем терялась и вера в необходимость союза с Германией.

На протяжении зимы–лета 1915 г. переговоры между Германией и Швецией еще велись. В начале года Берлин посетила Виктория Баденская, супруга шведского короля и внучка Германского императора Вильгельма I. Она встретила с императором Вильгельмом II, рейсканцлером Т. Бетман-Гольвегом и министром иностранных дел Г. фон Яговым, чтобы подтвердить намерение Швеции выступить на германской стороне, намеренно скрыв информацию о новых настроениях в шведском дворе придерживаться линии нейтралитета.

В мае Я. Хаммаршёльд совершил визит в Берлин, где встретился с министром иностранных дел Германской империи А. Циммерманом. В этом же месяце с ответным визитом Стокгольм посетил Циммерман для беседы с высшим военным руководством Швеции и непосредственно с настроенными на участие в войне на стороне Германии маршалом Л. Дуласом и бывшим министром иностранных дел А. Таубе. Швеции был предложен союз с Германией. Предполагалось, что Аландские острова будут оккупированы немцами (в расчете для Швеции, так как у Германии в Финляндии, по утверждению Циммермана, интересов не было), а шведы в ответ должны были начать боевые действия против России²². Новый план Циммерман предложил спустя два месяца – 18 июля 1915 г. Швеция, по его мнению, должна была потребовать предоставления полной независимости Финляндии и одновременно занять позиции в районе Аландских островов. В случае отказа России выполнить требование шведской стороны Швеция должна была объявить ей войну²³. Однако усилия Циммермана и шведских “активистов” окончательно провалились. В итоге военный союз так и не удался из-за упорного нежелания шведов открывать фронт в Финляндии.

В Швеции опасались, что вступление в войну могло разрушить зыбкий баланс, сложившийся в шведском обществе, и привести к новым противоречиям, которые временно были устранены как раз благодаря единению народа по вопросу о нейтралитете. Тяжелое бремя войны было чревато всплеском общественного возмущения и грозило народным гневом, способным перевернуть всю политическую систему Швеции с ног на голову. К тому же ведение боевых действий в Финляндии привело бы к массовой гибели шведских солдат. А война исключительно во имя державных амбиций шведской военщины блекла по сравнению с возможностями от нейтральной позиции.

Однако такой подход к политике невмешательства в конфликт великих держав, предполагавший консолидацию усилий всего шведского населения по сохранению нейтралитета, не мог гарантировать невовлечения Швеции в войну в тот или иной удобный для Германии или Великобритании момент, в том случае, если противники посчитали бы целесообразным участие Швеции в их схватке.

²⁰ *Håstad E.* Sveriges historia under 1900-talet. Stockholm, 1959, s. 23–23.

²¹ *Мурской А.* Европейская война и нейтральная Швеция. – Русская мысль, 1914, № 11, с. 34.

²² *Franzen N.-O.* Undan stormen. Sverige under första världskriget. Stockholm, 1986, s. 91.

²³ *Ibid.*, s. 95.

Шведским политикам приходилось вести двойную игру: отстаивать нейтралитет, чтобы не пошатнуть свое положение в обществе, и параллельно доказывать, как это делал, например, Я. Хаммаршёльд в мае 1915 г. на встрече в Берлине с кайзером, что шведский нейтралитет²⁴, ориентированный на Германию²⁵, мог быть очень выгодным немцам. Таким образом, шведские политики, опасаясь, что Германия может поступить со Швецией так же, как с Бельгией, старались играть на опережение: в Берлине должны были заранее знать о тех преимуществах, которые обещал Германии нейтральный статус Швеции²⁶.

К середине 1915 г. шведский нейтралитет стал данностью. Как пишет историк А.С. Кан, «когда вопрос был поставлен ребром, немцы слышали четкое “нет” и утратили интерес к шведскому участию в войне на стороне Германии и к той части “активистов”, которая все еще стремилась к этому»²⁷. Действительно, в самой Германии постепенно пришли к мнению, что Швеция могла быть полезнее империи в качестве нейтрального партнера с ее активной торговлей, а не в качестве союзника. В частности, против “туманных военных задач” выступало и военное руководство во главе с Э. фон Фалькенгейном, считавшее, что участь войны решится на Западном фронте, в то время как на Востоке возможен сепаратный мир²⁸. Потому многие шведы “облегченно вздохнули”²⁹, когда новое правительство подтвердило прежний нейтралистский курс.

Все последующие шведско-германские встречи носили уже не столь официальный характер. Визиты немецкого князя К. фон Веделя в Стокгольм в августе 1915 г. и принца Макса Баденского в ноябре 1915 г. никаких результатов не дали, несмотря на очередные соблазнительные планы для Швеции. К. фон Ведель, в частности, призывал шведов занять “конкретную позицию”, признавая, что нейтралитет был правильным выбором в начале войны, “но теперь все изменилось”³⁰ и нужно было делать выбор.

Королева Виктория, воодушевленная очередным разговором с соотечественником, пару дней спустя без согласования с правительством и королем призвала Германию высадить войска в Финляндии. Она полагала, что Швеция обязана “сделать хоть что-то” для Германии. Однако Ведель вынужден был ответить отказом, ссылаясь на отсутствие сил на операцию такого рода³¹. Это также свидетельствовало о падении интереса к Швеции в высших военных кругах Германии как потенциальному союзнику и переводу германо-шведских отношений в дипломатическую плоскость. С определенного момента Швеция для Германии отошла на второй план, превратившись в доброжелательного соседа и экономического партнера.

Видя преимущества нейтрализации Швеции, Германия предпочла “защищать” ее выбор. И к началу 1916 г. Германия окончательно прекратила попытки втянуть Швецию в войну, оставив за ней право остаться нейтральной.

Однако именно благодаря той пользе, которую можно было извлечь из шведского нейтралитета, Германия не признавала и не одобряла никакой другой нейтралитет, кроме шведского³². К тому же ее привлекало осознание того факта, что он не нуждается в постоянной поддержке.

Следовательно, нейтралитет не мог быть маргинальным статусом и выбором исключительно самих шведов. Успех политики нейтралитета лишь отчасти зависел от

²⁴ Рупасов А.И. Указ. соч., с. 34.

²⁵ Andren N. Maktbalans och alliansfrihet. Svensk utrikespolitik under 1900-talet. Angered, 1996, s. 43.

²⁶ Новикова И.Н. “Между молотом и наковальней”. Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006, с. 73.

²⁷ Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999, с. 184.

²⁸ Фалькенгайн Э. Верховное командование в 1914–1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923, с. 143–145.

²⁹ Совский Н. Шведские настроения и перспективы. – Современник, 1915, № 10, с. 294.

³⁰ Franzen N.-O. Op. cit., s. 97.

³¹ Ibid., s. 102.

³² Spångberg K.V. Sveriges neutralitetspolitik i världskrigets belysning. Stockholm, 1916, s. 80.

самого государства и, безусловно, являлся продуктом взаимного согласия крупных игроков мировой политики.

Таким образом, до вступления Швеции в войну дело так и не дошло. Но тому были определенные причины также и экономического характера. Следует признать, что еще один фактор, обеспечивший шведам нейтралитет, лежал в плоскости торгово-экономической привлекательности скандинавского государства. Дело в том, что в войнах XX в. победа во многом зависела от экономических ресурсов государства и от того, насколько та или иная противоборствующая коалиция была способна экономически приспособиться и выдержать затяжной характер войны³³. С началом военных действий нейтралы начали исполнять роль своеобразных каналов, через которые воюющие могли получать необходимые для ведения войны сырье и товары.

К тому же в отличие от других европейских нейтралов Швеции посчастливилось оказаться богатой своими природными ресурсами страной. В частности, на ее территории с давних пор осуществляли добычу железной руды. А уже с середины XVII в. шведское железо заняло прочные позиции на мировом рынке³⁴.

В расчете на 1915 г., т.е. разгар Первой мировой войны, железорудные запасы Швеции составляли 4/5 всех запасов в мире и пользовались большой популярностью в Европе. Главной причиной спроса было их качество. Руда состояла на 62–67% из чистого железа, в то время как, к примеру, руда Германии – лишь на 35%. Одновременно шведская руда имела низкое содержание фосфора (0,01%) и серы (0,02%). Еще одним выгодно характеризующим ее свойством была способность сохранять свое качество при высокотемпературной эксплуатации.

Во время войны шведская железная руда значительно выросла в цене. На одном из участков (“у песчаной бухты”) перерабатывалась руда, имевшая стоимость примерно 1,6 млн крон за тонну, в то время как добытая руда стоила всего 5–8 крон за тонну³⁵. Однако спрос на нее не упал, хотя руда добывалась не только в Скандинавии, но и в США, Канаде, и ее качество практически не уступало качеству шведской руды. Так, в США железная руда Месайбы была на 62% железной³⁶. Однако, несмотря на дороговизну, например, Германия продолжала закупать именно шведскую руду, что составляло около 80% всего экспорта данного вида продукции³⁷. Такое положение вещей определялось тремя причинами: качеством, технологией (новаторские идеи, высокие технологии обработки) и географической близостью Швеции к государствам Европы. Это превращало Швецию в незаменимого партнера для европейских стран.

Подобная картина наблюдалась и в другой ведущей отрасли производства – лесной. Деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность в Швеции тоже имела давние традиции и это не удивительно, ведь более половины территории страны покрыто лесом. В начале 50-х годов XIX в. благодаря появлению паровых машин в Швеции как на дрожжах выросли лесопильные заводы вдоль всего побережья Ботнического залива, что, естественно, положительным образом сказалось на экспорте леса и соответствующей продукции за рубеж. Кроме того, в этот период были запатентованы и пущены в массовое производство известные шведские изобретения – сульфатный и сульфитный методы обработки целлюлозы³⁸. В результате в предвоенный 1913 г. общий вывоз переработанной и непереработанной древесины составил 217 млн крон, что представляет собой 27% всего экспорта Швеции в военный период³⁹. На внешнем

³³ Новикова И.Н. Указ. соч., с. 146.

³⁴ Акименко А.А. Влияние рыночных механизмов на территориальное размещение железорудной отрасли в мире. – <http://geopub.narod.ru/student/akimenko/1/6.htm>

³⁵ Spångberg K.V. Op. cit., s. 114.

³⁶ Акименко А.А. Указ. соч.

³⁷ Montgomery A. Svensk ekonomisk historia mot internationell bakgrund, 1913–1939. Stockholm, 1946, s. 45.

³⁸ Кан А.С. История Швеции. М., 1974, с. 400.

³⁹ Montgomery A. Op. cit., s. 43.

рынке лесная промышленность Швеции составляла 70% от всей представленной лесной продукции⁴⁰.

Однако в годы войны недостаточно было просто обладать ресурсами, нужно было грамотно ими распорядиться, чтобы динамично развивавшаяся торговля не стала жертвой меркантильных интересов одного из противоборствующих лагерей. Швеция представляла собой “лакомый кусок” для своих более сильных соседей. Всего за три года войны (1915–1918 гг.) шведский экспорт превысил импорт на 325 млн крон⁴¹, что порождало немалые экономические амбиции у шведов⁴². Казалось, воюющие страны готовы были приобретать за любую цену товар на шведском рынке. Объем экспорта в период 1890–1915 гг. увеличился практически на 100%⁴³. Индекс промышленного производства в “максимальный” – 1916 г. достиг 109 (1913 = 100), при этом рост по отдельным экспортным отраслям был много больше⁴⁴. Обладание контролем над шведским рынком могло серьезным образом усилить позиции одного из блоков.

Но хотя по масштабам торговли в годы войны Швеция оставалась на первом месте среди нейтралов⁴⁵, в ее торгово-промышленных кругах понимали, что вступление страны в войну могло подорвать шведскую экономику. В Швеции как нигде были заинтересованы в том своеобразном равновесии, которое установилось в первые военные годы в Балтийском море. Это, к счастью для Швеции, осознавали и ее основные партнеры: Германия и Англия, занявшие первое и второе места, соответственно, по общему объему товарооборота за период 1914–1916 гг.⁴⁶

Несмотря на это, проводить более осторожную, глубоко продуманную, сбалансированную политику со своими торговыми партнерами шведам удавалось не всегда. Оказалось, что убедить в целесообразности шведского нейтралитета было не столь сложной задачей, зато не сорваться на более тесные торгово-экономические отношения с одной из сторон, пренебрегая обязанностями нейтрала, стало целым испытанием, чуть не стоившим Швеции ее нейтралитета.

Германия испытывала дефицит ресурсов для ведения войны, поэтому шведская транзитная торговля для нее была крайне важна. Особенно она приобрела актуальность после того, как остальные торговые пути оказались заблокированы, и практически вся транзитная торговля стала покрываться шведским экспортом.

Германия “всасывала шведскую продукцию” с неимоверной силой⁴⁷. Такое положение вещей устраивало Германию, но совершенно не удовлетворяло Англию. И хотя аналогичные функции Швеция выполняла и для стран Антанты, играя роль передаточного пункта между Англией и Россией, Россией и Францией⁴⁸, космополитизм нейтральной Швеции в отношении Германии поражал своими масштабами. Как прокомментировал министр финансов Великобритании Р. Маккенна, “мы заметили, что наша торговля крайне зависима от этого нейтрального государства” (имеется в виду Швеция), поэтому необходимо бороться с активностью шведов в сфере внешней торговли⁴⁹. Эта ситуация прогнозировалась и шведскими политиками еще в первые дни войны. Они предупреждали, что шведская экономическая политика рано или поздно столкнется с “запретами”⁵⁰ и причем неважно, от какой страны они будут исходить.

⁴⁰ *Spångberg K.V.* Op. cit., s. 115.

⁴¹ *Gerhard I.* Problem rörande sveriges utrikeshandel, 1936/38. Göteborg, 1948, s. 120–121.

⁴² *Совский Н.* Указ. соч., с. 299.

⁴³ *Montgomery A.* Op. cit., s. 43, 51.

⁴⁴ *Кан А.С.* История Швеции, с. 424.

⁴⁵ Sweden, Norway, Denmark and Iceland in the World War. New Haven – London, 1930, p. 19–20.

⁴⁶ *Gerhard I.* Op. cit., s. 111–113.

⁴⁷ *Johanson V.* Självständig levsmedelspolitik. Fritiof, 1917, s. 45.

⁴⁸ *Håstad E.* Op. cit., s. 28.

⁴⁹ *Spångberg K.V.* Op. cit., s. 123.

⁵⁰ *Wohlin N.* Svensk ekonomi och politik. Några uppsatser från krigsåren 1914–1917. Stockholm, 1918, s. 8.

Швеция, дискредитировавшая себя излишней “германизованностью” своего нейтралитета, давно привлекала внимание английских политиков и военных. Спокойно наблюдать, как скандинавы, получавшие от такой торговли высокие доходы, поощряли “проделки” Германии, прикрывая немецкие перевозки своим военным флотом, в Англии не могли. Единственной формой ограничения, которая без нарушения прав нейтрального государства могла иметь воздействие на него, – это блокада, а именно создание вокруг Германии плотного кольца, которое вынуждало ее обходиться собственными ресурсами и сырьем.

В октябре 1914 г. Англия впервые выразила свое негодование поведением нейтральной Швеции⁵¹ и при поддержке своего союзника Франции с этого момента начала работать над созданием преград для шведского импорта и экспорта. Руководствуясь директивами Гаагской конвенции 1907 г. и статьями Лондонской декларации о праве морской войны 1909 г., Англия запретила экспортировать ряд товаров, ввозимых в Швецию, и потребовала проверки шведских торговых судов на предмет контрабанды. Шведские корабли должны были по пути из Африки, Америки и других мест обязательно заходить в английские гавани для проверки груза и подтверждения, что их товар не предназначен для Германии. Уже в марте 1915 г. по английскому распоряжению все немецкие товары, перевозимые морем, объявлялись вне закона. Кроме существенного урона, принесенного этим распоряжением Германии, оно означало, что права нейтралов отныне “совершенно игнорировались”⁵².

В конце сентября 1916 г. вышло постановление, согласно которому любое торговое судно, везущее товар из Северной Америки, должно было иметь при себе специальное разрешение (а с сентября этого же года еще и особый сертификат, заверенный Британским советом) на вывоз транспортируемого им товара из страны от английского агента в США⁵³. Вместе с тем наличие разрешения не означало дальнейшей беспрепятственной доставки груза к месту назначения, так как каждое судно еще вдобавок было обязано заходить в английские порты для досмотра.

Попытки Швеции ослабить блокаду за счет прерывания почтовых связей Англии и России, прекращения экспорта целлюлозы, транзита английских товаров в Россию по суше – от Гётеборга до Хапаранды, минирования части Зундского пролива были трудноосуществимыми задачами и вряд ли имели бы действенный результат. В Швеции остро встал вопрос о целесообразности дальнейшего отстаивания интересов Германии. Когда на чаше весов оказались война и мир, шведы предпочли политические выгоды эфемерной привязанности к немцам.

Проблем шведской торговле добавили и ответные меры Германии, расширившей масштаб военных действий на северных морях. Упустив, по словам адмирала А. фон Тирпица, удобный момент для занятия Аландских островов и создания там военно-морской базы в противовес английскому флоту, Германия решительно ограничила проход судов по датским проливам, полностью заминировав их и ликвидировав узкую полосу для нейтральных судов к 30 марта 1915 г.⁵⁴

Период со второй половины 1915 г. вплоть до зимы 1916/17 г. стал переломным моментом для Швеции. Он показал, что отныне механизм фиктивного, нестрогого нейтралитета больше действовать не будет. Если в начале войны одно провозглашение нейтралитета делало услугу Швеции, то обстоятельства, сложившиеся к середине войны, диктовали уже новые условия. Политика блокады привела к внутренним трудностям в Швеции, связанным с ростом цен на потребляемые товары, в особенности на продовольствие, вызвала истощение запасов промышленного сырья и топлива, одновременно сказалась и на репутации нейтральной Швеции и угрожала непосредственным втягиванием ее в войну против сильнейшего противника – Англии. Вера в саморе-

⁵¹ Sweden, Norway, Denmark and Iceland in the World War, p. 55.

⁵² *Фалькенгайн Э.* Указ. соч., с. 147–148.

⁵³ Sweden, Norway, Denmark and Iceland in the World War, p. 83.

⁵⁴ *Тирпиц А.* Воспоминания. М., 1957.

гулирование проблемы внешнеторговых отношений со своими главными партнерами довела ситуацию до предела, о чем справедливо отметил в журнале “Новая Швеция” (“*Det nya Sverige*”) пожелавший остаться неизвестным: “В течение года (имеется в виду 1916 г.) мы находились на грани войны с Англией”, или вернее сказать: “Англия была на грани войны с нами”⁵⁵.

Противоречия между Англией и Швецией усиливались, и трудности, после того как в январе 1916 г. Великобритания приняла программу усиления экономической блокады Германии⁵⁶, стали ощущаться как никогда. Дальнейшее давление на Швецию могло привести к безработице и голоду в стране, но англичане продолжали “завинчивать гайки”, время от времени расширяя черный список, который, как говорили шведские торговцы, зажал шведскую экономику в тиски⁵⁷. Путем дальнейшего стягивания блокадного кольца англичане заставили шведское правительство выступить с инициативой новых переговоров. В октябре Швеция заявила о своем желании встретиться с английским правительством для решения торгово-экономических вопросов, и с ноября 1916 г. начались переговоры, продолжавшиеся вплоть до конца января 1917 г.

Таким образом, к середине 1916 г. баланс торговли на Балтике, которым пользовались шведы, окончательно нарушился. Санкции со стороны Англии в итоге привели в Швеции к нехватке продовольствия и других продуктов и переходу в том же году на карточную систему. Летом 1916 г. были введены карточки на сахар, а зимой 1916/17 г. – на хлеб, жиры и кофе. Нехватка ряда продовольственных товаров и высокие цены на них привели к большому потреблению картофеля среди населения. Однако к концу года выявилась нехватка и этого продукта. Цены на него выросли втрое, что стало причиной последовавшего картофельного кризиса, который выразился в демонстрациях и уличных беспорядках в крупных городах Швеции: Стокгольме, Гётеборге и Норчепинге. Голодные люди крушили магазины и грабили картофель, хранившийся на крайний случай в железорудных вагонетках⁵⁸.

В политической жизни Швеции ухудшение снабжения страны продовольствием привело к падению популярности прогерманского экономического курса правительства. И в итоге кризис привел к отставке правительства Хаммаршёльда в 1917 г., что стало началом новой эпохи в шведской политике. В Швеции к власти пришло первое коалиционное либерально-социалистическое правительство, в своих внешнеполитических пристрастиях больше расположенное к Антанте, чем к Германии.

Вместе с обстановкой в стране менялся и характер шведского нейтралитета, который к концу 1916 г. предстал уже несколько в ином качестве. Нейтралитет стал более осмысленным и многогранным, постепенно наполняясь действительным содержанием.

Одновременно происходило экономическое сближение Швеции с Россией. И хотя поначалу российское командование видело в Швеции угрозу, а шведы, в свою очередь, ожидали со стороны России превентивных военных мер, в итоге экономический компонент во взаимоотношениях обоих государств подтвердил целесообразность сохранения нейтралитета. Шведский экспорт в Россию в 1916 г. по сравнению с довоенным периодом вырос в четыре раза.

Для воюющей России строгий международно-правовой нейтралитет Швеции значил много, так как кратчайшие пути для связи с западными союзниками пролегали через нее. Таким образом, например, переправлялись британские грузы для союзницы. Промышленная продукция самой Швеции, в особенности машины и оборудование, также представляла интерес для России.

⁵⁵ Augusti i fjor och i år. – *Det nya Sverige*. Stockholm, 1916, s. 390.

⁵⁶ Чернышева О.В. Тенденции государственно-монополистического регулирования в экономике Швеции в годы первой мировой войны. – Скандинавский сборник XXVII. Таллин, 1982.

⁵⁷ Franzen N.-O. Op. cit., s. 183.

⁵⁸ Thulstrup Å. Svensk politik, 1905–1939. Från unionsupplösningen till andra världskriget. Stockholm, 1968, s. 89–90.

В Англии идея воевать против Швеции тоже не превалировала, иначе объявление войны последовало бы незамедлительно. Вместо этого английские политики пытались призвать шведов оторваться от Германии экономическими методами.

Таким образом, в обоих противоборствующих лагерях ценили шведский нейтралитет и уважали шведский флаг. Вместе с тем в решающий момент и шведским властям удалось определить, в чем заключаются национальные интересы родины, и отделить реальные опасности от мнимых⁵⁹.

И, наконец, еще одной важной причиной состоятельности шведского нейтралитета в годы Первой мировой войны стала ее обороноспособность. В XX в. все большее значение для предотвращения вооруженного нападения приобретала готовность государства отразить возможную агрессию и отстаивать свой суверенитет.

Согласно Гаагским конвенциям нейтралу для защиты неприкосновенности его границ не возбранялось владеть “адекватными вооруженными силами”⁶⁰ и отражать любые попытки вторгнуться на его территорию. Более того нейтралу требовались военные ресурсы для безопасности нейтральных вод и портов, а также торгового флота, чтобы защитить свои корабли и обеспечить им благополучную транспортировку товара. Таким образом, Швеция получала законное право на оборону, которая включала в себя возможность как пересмотра устаревших военных программ, так и перевооружения всех видов войск.

Первое десятилетие XX в. в Швеции проходило не только под лозунгом всеобщего и равного избирательного права, но и жизненно важного вопроса – обороны, ставшего предметом всеобщего обсуждения и источником партийно-политических разногласий. А с ростом напряженности в Европе в Швеции, как и в других странах, тема обороны, естественно, актуализировалась, обострились дебаты в риксдаге, стремительно вылившиеся в широкую дискуссию, получившую название “битва за оборону”. В 1914 г. консерваторы вернули себе власть и стали усиленно проводить политику, нацеленную на увеличение расходов на оборону.

Основные дебаты развернулись вокруг сбора средств на строительство броненосца нового типа, получившего название корабль типа “Ф”⁶¹. Это было дорогостоящее мероприятие, требовавшее серьезных финансовых расходов, против которых единым фронтом выступали либералы и социал-демократы, предполагавшие распределение государственного бюджета на социальные нужды. Для реализации своих планов шведские консерваторы, горячо поддерживаемые королем Густавом V, развернули широкую агитацию в стране, превратив броненосец типа “Ф” в “идол поклонения перед отечеством” и назвав отсрочку действия законопроекта преступлением против родины⁶². Но опасаясь общественной реакции на серьезные финансовые траты, они предложили покрыть издержки на строительство броненосцев береговой охраны за счет добровольных сборов с населения Швеции. Так, например, преподаватель народного университета М. Бьёрквист организовал “Шведское общество броненосных кораблей”, агитировавшее за укрепление обороны⁶³. В короткий срок была собрана и вручена правительству приличная сумма на строительство первого броненосца. На эти деньги в 1915 г. был построен корабль “Швеция”⁶⁴.

⁵⁹ *Табаровская К.А.* Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905–1914 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов. (Автореферат канд. дисс.). М., 2009.

⁶⁰ *Lindholm R.* Neutralitet och försvar. Karskrona, 1985, s. 250.

⁶¹ Корабль типа “Ф” был разработан в начале XX в. немецкими конструкторами и представлял собой новое поколение броненосцев береговой охраны с большим водоизмещением и орудиями калибра 283 мм. Подобных броненосцев не было в то время ни у одной малой страны в Европе.

⁶² *Hadenius S.* Sverige efter 1900. En modern politisk historia. Stockholm, 1967, s. 63.

⁶³ См.: *Björkqvist M.* I försvarsfrågan. Tal vid försvarsmötet i Göteborg den 19 februari 1912. Uppsala, 1912.

⁶⁴ *Thulstrup Å.* Op. cit., s. 61.

В результате во время Первой мировой войны в ВМС Швеции вошли 15 броненосцев береговой охраны, 10 эсминцев, 31 миноносец, 15 подводных лодок, один броненосный крейсер, а также патрульные суда и малые миноносцы, тральщики и минные заградители. Такой состав флота был вполне способен успешно обеспечивать охрану всего побережья Швеции и, скорее, отвечал потребностям государства, ожидавшего нападения и готовившегося к обороне, нежели рассчитывавшего на соблюдение норм международного права. В составе преобладали суда небольшого водоизмещения, способные отразить атаку и одновременно обладавшие достаточно высокой степенью маневрирования. К кораблям такого рода относились миноносцы типа “Комет”, “Плейяд” и “Гундул”. Например, водоизмещение шведского миноносца “Плейяд” было 97/106 т, в то время как водоизмещение немецкого миноносца типа VI в несколько раз больше – 569/697 т.

Шведы, осознавая невозможность обогнать ведущие морские державы по количеству боевых судов, изначально отдали предпочтение строительству броненосцев береговой охраны. К их строительству в Швеции подходили более основательно. Это были крупные корабли с водоизмещением от 3270/3600 до 6852/7516 т, оснащенные значительным количеством вооружения и имевшие высокую скорость хода. Их строительство началось задолго до начала войны, еще с конца 80-х годов XIX в., и дата спуска большинства броненосцев на воду пришлось на 1898–1904 гг. Три броненосца береговой охраны (типа “Сверье”) были изготовлены непосредственно в годы войны⁶⁵. Броненосцы неоднократно модернизировались и находились в боевом строю до 40–50-х годов XX в. И даже после исключения их из состава флота долго служили в качестве вспомогательных судов и блокшивов.

У Швеции был лишь один броненосный крейсер (“Фульгия”) и то наименьший из когда-либо построенных в мире, хотя в целом он был хорошо сбалансированный и, несомненно, удачный корабль, списанный только в конце 50-х годов XX в.

Большинство имевшихся в наличии эсминцев в годы войны находились либо в стадии строительства, либо перманентного переоснащения. Из 10 эсминцев в начале войны были готовы к действиям лишь два: “Магне” и “Моде”, построенные в Англии в 1901–1905 гг.

Аналогичная ситуация наблюдалась с конструированием подводных лодок. Основное строительство развернулось непосредственно в годы Первой мировой войны. Часть подводных лодок (типа “Лаксен”, “Свэрдфискен” и “Дельфинен”) была спущена на воду в конце 1914 – начале 1915 г., в то время как остальные были готовы лишь к середине или даже к концу войны (к ним относятся подводные лодки типа “Абборен” и “Хайен”). Исключением являлась подводная лодка “Хвален”, заказанная в Италии еще в 1907 г. и спущенная на воду в 1909 г. Тем не менее уже в скором времени она была исключена из списков флота по причине неисправности.

Сделав ставку на ВМС, как это ни парадоксально звучит, шведские консервативные власти укрепили позиции и шведского нейтралитета. Хотя боевая готовность флота накануне Первой мировой войны не могла оцениваться однозначно положительно. Швеция не превратилась в мощного военного игрока в регионе Балтийского моря, сомнение вызывает и действительная возможность удержать оборону в случае нападения. Но активная деятельность борцов за оборону и их фактическая победа, несомненно, способствовали формированию в глазах ведущих европейских стран образа сильного нейтрала, способного ошестиниться подобно ежу в моменты опасности и нанести противнику серьезные удары.

В 1914 г. после вступления германских войск на территорию нейтральной Бельгии в Швеции все чаще стали проводить сравнительные анализы обороноспособности обоих государств⁶⁶. В определенный момент сочетание “нейтралитет и оборона” для большинства шведов перестало казаться чем-то несовместимым. Как говорил придер-

⁶⁵ ВМС малых стран Европы 1914–1918. – Морская коллекция, 1999, № 3, с. 2–6.

⁶⁶ Belgien – Sverige. En parallell. – Det nya Sverige. Stockholm, 1917, s. 364–371.

живавшийся нейтралистских взглядов лидер Социал-демократической рабочей партии Швеции Я. Брантинг, “одной из причин несчастливой судьбы Бельгии является ее неудовлетворительная оборона” и то, что накануне войны она сделала слишком мало для укрепления своих границ, полагаясь главным образом на обещания великих держав уважать ее нейтралитет⁶⁷.

Бельгия к началу XX в. была экономически развитой капиталистической страной, находившейся на перекрестке торгово-экономических и финансовых путей. Однако если экономика и финансы государства процветали, то ее обороноспособность была на весьма низком уровне⁶⁸. Основным направлением бельгийской внешней политики в начале XX в. было стремление четко следовать политике нейтралитета и сохранять равные отношения с державами-гарантами, выполняя тем самым возложенные на него как на нейтральное государство обязательства. Этим фактически и ограничивалась подготовка Бельгии к возможному столкновению с агрессором.

На этом фоне положение Швеции выглядело куда более выгодным. Хотя, как верно заметил шведский политик К.А. Карлстрём, определить, каким военным потенциалом достаточно обладать государству, чтобы почувствовать себя в безопасности, что можно считать необходимым уровнем обороны, чтобы оказаться вне зоны военных интересов, и как спрогнозировать, что именно потребуется для поддержания нейтралитета в неустойчивом мире – все это крайне сложно⁶⁹.

Но факт остается фактом, в ходе Первой мировой войны обороноспособность Швеции сделалась составной частью политики нейтралитета правительства и риксдага, а выполнение программы перевооружения и укрепления обороны стали теперь необходимыми условиями сохранения нейтралитета в конфликте. Сама по себе политика обороны уже обеспечивала нейтралу некоторую возможность сопротивления. Рискованно произвести нападение даже на более слабого противника, если таковой намерен обороняться. Война с мощным нейтралом опасна вдвойне. Те, кто пожелал бы втянуть Швецию в вооруженный конфликт или напасть на нее, должны были осознавать, что это дело рискованное, дорогостоящее и, возможно, даже не имевшее смысла. Кроме того, обладание оружием повышало престиж нации и уважение к ней, а желание шведов действовать в рамках гуманистических принципов, стремясь мирными способами решать любые противоречия, не отрицало возможности применения силы в том самом крайнем случае, которым могло стать нападение на страну.

Следует также заметить, что скандинавское государство имело и другие преимущества перед континентальными нейтралами. Одной популяризацией мощной обороноспособности здесь было не обойтись. Особое значение, послужившее дополнительной составляющей нейтралитета Швеции в годы Первой мировой войны, было географическое положение Швеции на карте мира.

С одной стороны, располагаясь на перекрестке кратчайших морских путей сообщения, она оказывалась зажатой между двумя лагерями. На востоке от Швеции находился главный, по расчетам военного руководства, потенциальный противник – Россия, на юге располагалась мощная и непредсказуемая Германия, на западе проходила граница с Норвегией, ориентированной после распада унии на Англию. Вместе с тем характер местности способствовал созданию в Швеции устойчивой обороны, а внезапное нападение не позволяло агрессору быстро развивать успех. Шхерный характер побережья делал возможной организацию сильной, далеко вынесенной в море береговой обороны. В водном пространстве, окружающем шхеры, имелся фарватер. Проходящие по нему корабли и суда были практически защищены от ударов со стороны моря.

⁶⁷ Franzen N.-O. Op. cit., s. 371.

⁶⁸ Севрюкова А.О. Бельгийский нейтралитет накануне и во время Первой мировой войны. (Автореферат канд. дисс.). М., 2003.

⁶⁹ Riksdagens protokoll. Andra kammaren, № 42, 1936, s. 6.

Подводя итоги, можно сказать, что шведский нейтралитет в годы Первой мировой войны еще не являлся официальной доктриной государства и инструментом внешней политики Швеции, что могло создавать условия и пространство для маневра. Он представлял собой весьма сложный организм, постоянно находившийся под воздействием целого ряда внутренних и внешних факторов, вынуждавших шведских политиков приспосабливаться к сложной обстановке военного времени. Путь, по которому шла Швеция, используя все возможные способы, дабы не оказаться в эпицентре военных действий, был извилист и тернист.

Уверенности, что завтрашний день не окажется последним мирным днем для Швеции, не было ни у кого: ни у соседей по Балтике, ни у самих шведов. Было намерение, граничащее с потребностью в нейтралитете для стабилизации экономики и нормализации политической жизни страны – во имя блага всего шведского народа.

Нейтралитет Швеции в годы Первой мировой войны, с присущими ему приспособляемостью и гибкостью, явился результатом сложения множества предпосылок и императивов – истории и географии, выбора во времени, совпадения интересов Швеции и великих держав. Кроме того, в его основе лежали глубокие культурно-мировоззренческие корни и особенности национального сознания.